

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ІСТОРІІ БЫЛИННЫХЪ СЮЖЕТОВЪ.¹⁾

Къ крестьянству Микулы Селяниновича.

Въ одномъ изъ своихъ „Очерковъ“²⁾ я старался уяснить тѣ бытовыя, реальныя черты, которыя прикрѣпляютъ типъ Микулы Селяниновича и сложеніе былины объ его встрѣчѣ съ Вольгой Святославичемъ къ старой новгородской территоріи. Въ числѣ типичныхъ деталей былины я отмѣтилъ точное изображеніе въ ней процесса сѣверной пахоты на *сельгъ*, сѣяніе ржи, сѣверную соху, выворачиваніе камней, которыми усѣяны нивы, и нѣкоторыя другія. Къ новгородской же территоріи прикрѣпляетъ былину столкновеніе Микулы Селяниновича съ орѣховскими мужиками изъ-за соли гдѣ-то

¹⁾ См. Этногр. Обзорніе кн. XXXIX.

²⁾ Очерки русс. нар. словесности, п. I 1897 г. стр. 168—179.

на Невѣ у города Орѣховца (нынѣ Шлюсельбургъ). Кстати въ подтвержденіе того, что мы не ошиблись въ отождествленіи Орѣховца съ городомъ Орѣшкомъ, старымъ новгородскимъ поселеніемъ, можно привести еще то, что тотъ же городъ упоминается въ другой, несомненно новгородской, былинѣ о гостѣ Терентищѣ въ одномъ вариантѣ Рыбникова³). Считаю вышеприведенныя данныя достаточными для обоснованія новгородскаго происхожденія былины и исходя изъ нихъ, я все же считаю нелишнимъ еще разъ вернуться къ пахарю Микулѣ и поставить вопросъ, на сколько можетъ быть реаленъ и на сколько фантастиченъ или сказоченъ этотъ былинный персонажъ. Въ „Очеркахъ“⁴) я предположилъ, что фабула былины могла быть бродячимъ сюжетомъ, заимствованнымъ извнѣ, но вполнѣ націонализированномъ въ силу переработки, сквозь которую иногда, впрочемъ, сквозятъ нѣкоторыя черты не реального

³) III № 49.

⁴) I стр. 177—178.

новгородскаго мужика, а какого-то сказочнаго персонажа. Къ послѣднимъ чертамъ относится, напр., встрѣчающаяся въ вариантахъ идеализація пахаря и его сохи, въ родѣ того, что онъ одѣтъ въ кафтанъ чернаго бархата, носить пуховую шляпу и зеленые сафьянные франтовскіе сапоги, что у его кленовой сохи присошечекъ серебряный, рогачикъ красна золота, гужики шелковые и т. под.⁵⁾ Однако, относя эти и подобныя черты къ процессу „поэтизаціи“, намъ все же хотѣлось бы уяснить, такъ сказать, размѣръ ея, т. е. опредѣлить отъ какихъ реальныхъ бытовыхъ данныхъ отправлялся этотъ процессъ поэтизаціи или точнѣе идеализаціи. Другими словами, существовали ли въ бытовыхъ условіяхъ новгородскихъ такіе типы земледѣльцевъ, свободныхъ, зажиточныхъ съ обширной запашкой, какимъ представленъ Микула Селяниновичъ. Вѣдь нужно предположить, что слишкомъ сильно и тенденціозно должна была бы разгуляться фантазія

⁵⁾ Гильфердингъ, № 156.

какого–нибудь древняго слагателя былины, чтобы изъ холопа, обрабатывающаго чужую землю, или изъ „половника“, сидѣвшаго на землѣ частнаго владѣльца и находившагося въ новгородской землѣ въ „болѣе подневольномъ состояніи сравнительно съ вольными крестьянами въ княжеской Руси“⁶⁾, онъ могъ создать типъ Микулы Селяниновича.

Оказывается, что если мы припомнимъ нѣкоторыя особенности новгородскаго землевладѣнія, то вовсе не должны поднимать на дыбу воображеніе слагателя былины. Въ новгородскомъ быту былъ именно такой классъ земледѣльцевъ, который могъ дать черты для образа Микулы. Это — классъ крестьянъ–собственниковъ. „Этого класса, говоритъ Ключевскій, мы не встрѣчаемъ на всемъ пространствѣ княжеской Руси: тамъ всѣ крестьяне работали либо на государственныхъ, либо на частныхъ господскихъ земляхъ. Въ областяхъ вольныхъ городовъ, напротивъ, встрѣчаемъ

⁶⁾ Ключевскій, курсъ русс. исторіи Ч. II стр. 98.

сельскій классъ населенія, очень похожій на крестьянъ, но *владѣвшій землей на правахъ собственности*. Онъ назывался *земцами* или *своеземцами*. Этотъ классъ въ новгородской землѣ, повидимому, былъ довольно многочисленъ. По поземельной Новгородской книгѣ, составленной въ 1500 г. въ уѣздахъ Новгородскомъ, Ладожскомъ и Орѣховскомъ, значится около 400 земцевъ, на земляхъ которыхъ обрабатывалось свыше 7000 десятинъ: на cadaго своеземца приходилось среднимъ числомъ *пашни* десятинъ по 18. И такъ, это вообще мелкіе землевладѣльцы съ небольшими хозяйствами". По роду занятій и размѣрамъ участковъ *своеземцы* ничѣмъ не отличались отъ крестьянъ, но они владѣли своими землями на правахъ полной собственности⁷⁾. Отмѣтимъ, что въ городѣ Орѣшкѣ по книги 1500 г. рядомъ съ „городчанами" обозначено 29 дворовъ своеземцевъ, изъ которыхъ нѣкоторые принадлежали къ разряду „лутчихъ" (т. – е. зажиточныхъ) людей. Одни изъ нихъ жили

⁷⁾ Тамъ же стр. 100.

въ городѣ, сдавая свои земли въ аренду крестьянамъ, другіе жили въ своихъ деревняхъ и только числились въ городскомъ обществѣ⁸). Припоминая теперь нѣкоторыя черты былины о Микулѣ, едва ли мы ошибемся, если предположимъ, что, создавая типъ этого крестьянина-пахаря, слагатель былины имѣлъ передъ собой реальный бытовой типъ новгородскаго богатаго своеземца. Запашка у Микулы Селяниновича, повидимому, значительная, хотя размѣры ея, быть можетъ, и преувеличиваетъ слагатель-сказитель упоминая, что съ одного конца его нивы не видать другого. Какъ зажиточный земледѣлецъ, Микула пользуется уваженіемъ своихъ сосѣдей (по новгородски *сябровъ*); вспомнимъ, съ какимъ самодовольствомъ онъ говоритъ, какъ онъ наварить пива, угостить мужиковъ, и какъ они будутъ его *похвалять*. Въ извѣстномъ мѣстѣ былины:

— Ай же ты Вольга Святославовичъ!

⁸) Тамъ же стр. 101.

— Я какъ ржи-то напашу да во скирды сложу,

— Я во скирды сложу да домой выволочу,

— Домой выволочу да дома вымолочу,

— А я пива наварю да мужичковъ напою,

— А тутъ стануть мужички меня похваливати:

— „Молодой Микула Селяниновичъ!”⁹⁾

кромѣ общаго указанія на хлѣбосољство зажиточнаго своеземца-крестьянина, я подчеркнулъ бы одно типичное выраженіе, которое ускользнуло отъ моего вниманія раньше: именно, глаголь *выволочу*, употребленный въ соотвѣтствующемъ стихѣ во всѣхъ вариантахъ. Онъ точно выражаетъ способъ вывозки скирдъ ржи въ новгородскихъ мѣстахъ посредствомъ *волоковъ* или волокуши. Припомнимъ, что по словамъ Гильфердинга, въ Олонецкой губерніи, сѣвернѣе около Кенозера, Водлозера, Выгозера и по Заонежью до сихъ поръ возятъ что нужно и лѣтомъ на саняхъ (дровняхъ), или же на *волокахъ*, т. е. оглобляхъ, которыя передними

⁹⁾ Гильфердингъ № 156 II стр. 522, срв. также Гильфердингъ II стр. 10, 369.

концами прикрѣплены къ хомуту, а задними волочатся по землѣ; къ нимъ придѣлана поперечная доска, къ которой привязывается кладь.¹⁰⁾ Очевидно, на такихъ волокахъ и Микула Селяниновичъ *выволакивалъ* свои скирды ржи, и эта подробность дополняетъ картину сѣверной пахоты, изображаемую былиной. Если слагатель былины внесъ въ нее хорошо знакомую ему картину, то пожалуй можно съ нѣкоторой вѣроятностью ближе подойти и къ мѣстности, гдѣ онъ представлялъ себѣ пашущаго **своеземца** **Микулу Селяниновича**. Мы упомянули выше, что въ Орѣховскомъ уѣздѣ въ старину было не мало **своеземцевъ** и что, по книгѣ 1500 года, въ городѣ числилось 29 **своеземскихъ дворовъ**. По былинамъ же оказывается, что **Микула Селяниновичъ** имѣетъ какія-то отношенія именно къ городу Орѣховцу: въ этотъ городъ онъ ѣздитъ за солью и сталкивается съ мужиками орѣховскими, въ этомъ же городѣ куплена имъ и его кобыла.

— Глупый ты Вольга неразумный!

¹⁰⁾ Онежск. Былины. Введеніе, стр. 3.

— Куплена эта кобыла въ Пурховцѣ во Орѣховцѣ,

— Однолѣткомъ куплена съ подѣ матушки.

— Дано за кобылу пятьсотъ рублей,

— Теперь этой кобылѣ цѣны то нѣтъ."¹¹⁾ —

Нужно думать, что для покупки кобылы Микула ѣздилъ не далеко, а въ ближайшій къ своей запашкѣ городъ. Что городъ Орѣховецъ отстоялъ не слишкомъ далеко отъ усадьбы Микулы можно, пожалуй, заключить и изъ его словъ, что онъ ѣздилъ туда недавно, всего третьяго дня.

— Я недавно былъ вѣдь я въ Орѣховцѣ,

— Былъ—то вѣдь я тамъ третьёго дни,

— Закупилъ я соли ровно три мѣха,

— Въ которомъ же мѣху было по сту пудъ,

— Положилъ я на кобылу е на соловую,

— Да самъ—то молодецъ я садился ровно сорокъ пудъ.¹²⁾

¹¹⁾ Гильфердингъ № 195, т. III, стр. 5.

¹²⁾ Гильфердингъ № 32, I стр. 223, сравн. тамъ же I стр. 414; II стр. 7, 519.

Принимая во вниманіе отсутствіе удобныхъ путей сообщенія въ давнія времена въ этихъ лѣсистыхъ и болотистыхъ мѣстахъ, можно думать, что городъ, въ которомъ 3-го дня былъ Микула, по представленію слагателя былины, не слишкомъ могъ быть удаленъ отъ его мѣстожителства. Вообще детали былины, на нашъ взглядъ, не противорѣчатъ предположенію, что ея слагатель рисовалъ въ ней нѣкоторыя черты окружавшей его дѣйствительности и именно бытовыхъ условій новгородской территоріи. Микула Селяниновичъ представлялся ему зажиточнымъ своеземцемъ—крестьяниномъ, распахивающимъ свои нивы среди лѣсовъ¹³⁾ и сохраняющимъ, какъ и другіе своеземцы, связь со своимъ уѣзднымъ городомъ, повидимому, Орѣховцемъ, въ который ему приходится иногда ѣздить по необходимости, за солью. Идеализируя такого своеземца, приписывая ему, на примѣръ, средства не по званію (если

¹³⁾ Такъ въ одномъ вариантѣ, отстающій отъ Микулы Вольга

Колпакомъ махаль, голосомъ кричалъ:

„Не оставь меня, Микула Селяниновъ,

„Не оставь меня *среди лѣса*“. Гильфердингъ № 131 (II, 369).

онъ можетъ дать за жеребчика 500 рублей), слагатель все же сохранилъ въ своемъ изображеніи немало реальныхъ бытовыхъ деталей и вѣрно выразилъ новгородскій, далеко неуважительный, взглядъ на князя въ обращеніи Микулы съ Вольгой, котораго онъ называетъ „глупымъ“, „неразумнымъ“, награждая иногда подобнымъ же эпитетомъ („немудрая”)¹⁴⁾ и всю его дружину хоробрую.

¹⁴⁾ Гильфердингъ II. стр. 9. Этнограф. обзор. Кн. XC—XCI.

XIX

Стрѣлянье Ильи Муромца по церквамъ.

Разбирая во 2-мъ т. „Очерковъ“ ИЗВѢСТНЫЙ былинный эпизодъ — стрѣлянье Ильи Муромца по церковнымъ маковкамъ и крестамъ, мы объяснили этотъ святотатственный поступокъ, приписанный нѣкоторыми сказателями благочестивому народному богатырю, осадкомъ, отложившимся на личности Ильи въ періодъ смуты. „Казаку“ Ильѣ Муромцу приписанъ здѣсь одинъ изъ такихъ кощунственныхъ поступковъ, которыми въ этотъ печальный періодъ, какъ извѣстно изъ современныхъ свидѣтельствъ, широко ославились казаки, или весь тотъ разнузданный, воровской сбродъ, который присвоивалъ себѣ имя казаковъ. Однако все же рѣзкое несоотвѣтствіе этого поступка съ завѣдомымъ благочестіемъ Ильи слишкомъ бросается въ глаза, и потому возможно было бы предположеніе, что какой-нибудь сказатель приписалъ эту

выходку Ильѣ по недомыслию или по ошибкѣ, перенеся на него однородный фактъ, который въ старомъ преданіи могъ быть связанъ съ другимъ, „историческимъ“ лицомъ. Мнѣ припоминается по этому поводу одно сѣверно–русское преданіе, занесенное т. наз. „Архангелогородскимъ лѣтописцемъ“ (изд. въ М. 1781 г.)

Отмѣчу кстати, что только въ этомъ одномъ источникѣ воевода Козаринъ, служившій князю кіевскому Святополку Изяславичу, носить отчество „Петровича“, въ чемъ мы видимъ подтвержденіе нашего предположенія, что разбившій половцевъ въ 1107 г. лѣтописный Козаринъ сохранилъ свое имя въ былинномъ Козаринѣ Петровичѣ¹⁵). — Подъ 6677 т. е. 1169 годомъ въ упомянутомъ источникѣ читаемъ слѣдующее извѣстіе о неудачной осадѣ Новгорода Андреемъ Боголюбскимъ: „Въ лѣто 6677 князь Андрей Юрьевичъ посла сына своего Мстислава на Новгородъ ратью, а съ нимъ 72 князи, и много множество вой; и приступиша ко граду уже

¹⁵) Очерки II стр. 23.

взяти. Они же вынесоша на градъ образъ Пречистые Одигитріи; и по грѣхомъ одинъ князь *Муромецъ* стрѣливъ на городъ и преиде во образъ иконы. Она же отврати лице на градъ, а ратныя вси послѣпоша; имаша ратныхъ руками.”¹⁶⁾ Преданіе, занесенное въ сѣверную лѣтопись, не знало имени этого лица, попавшаго стрѣлою въ образъ; оно помнило только, что это былъ какой-то князь *Муромецъ*. Если мы предположимъ, что и послѣ занесенія въ лѣтопись это преданіе продолжало жить на сѣверѣ, то можно далѣе предположить, что какой-нибудь сказатель, знавшій по слухамъ о кощунственномъ выстрѣлѣ какого-то *муромца*, приписалъ нѣчто подобное другому, ему хорошо извѣстному Муромцу Ильѣ. Впрочемъ, другіе сказители уже обѣляютъ Илью Муромца и представляютъ его сшибающимъ золоченыя маковки не съ церковей Кіевскихъ, а съ княжескихъ теремовъ, предпочитая видѣть въ немъ не святотатца, а анархиста, что болѣе соотвѣтствуетъ отношенію Ильи

¹⁶⁾ Архангело-городскій лѣтописецъ М. 1781 г. стр. 51.

Муромца, въ періодъ его казачества, къ правительству, т.—е. князю Владимиру и его боярамъ.

XX.

Елена королевична литовская.

Среди олонецкихъ старинушекъ довольно извѣстна старина о „Молодцѣ и королевичнѣ литовской“. Варіанты ея, записанные въ разныхъ областяхъ Россіи, можно просмотрѣть въ сборникѣ Пѣсенъ А. И. Соболевскаго¹⁷⁾. Въ подробностяхъ записи расходятся, но въ общемъ содержаніе одно и то же. Русскій молодець попалъ на службу въ землю Литовскую къ королю. Прослуживъ нѣсколько лѣтъ въ конюхахъ и ключникахъ, онъ былъ пожалованъ постельникомъ у королевской дочери. Королевна полюбила молодца, вступила съ нимъ въ связь и предупреждала его, чтобы онъ хранилъ ихъ тайну. Но, подвыпивъ въ кружалѣ, молодець

¹⁷⁾ т. I стр. 1—48.

похвасталъ своими отношеніями къ королевнѣ и, по приказу короля, долженъ былъ быть казненъ. Идя на казнь, онъ упросилъ стражу провести его мимо оконъ королевичны и, проходя мимо ихъ, громко крикнулъ ей:

— Ты прощай, прощай, мой бѣлый свѣтъ,

— Прощай, милая Елена королевична¹⁸). —

Услыхавъ голосъ любовника, королевна подбѣгаетъ къ окну, велитъ вести молодца къ себѣ на дворъ, откупаетъ его золотой казной и, распросивъ молодца о его женѣ, покинутой имъ на Руси, отпускаетъ его домой. Въ одномъ вариантѣ Гильфердинга старинка кончается слѣдующими словами королевны:

„Ты возьми, молодець, золотой казны,

„Да поди молодець въ твою сторону.

„Ты корми молодець отца и мать,

„Ты люби свою молодую жену,

„А корми молодець малыхъ дѣточекъ,

¹⁸) Гильфердингъ II стр. 663.

„А и не хвастай ты Еленой королевичной“¹⁹).

Таково же въ общемъ окончаніе двухъ другихъ вариантовъ (Гильфердинга №№ 155 и 162). Но въ трехъ записяхъ развязка и для молодца, и для королевны трагическая. Молодца казнятъ, а королевна съ тоски закалывается ножомъ²⁰).

Не останавливаясь на подробномъ разборѣ былины, сдѣлаемъ лишь нѣсколько замѣчаній?

Приблизительно время сложенія уясняется изъ слѣдующихъ былинныхъ подробностей. Въ лучшихъ вариантахъ русскій молодець загулялъ къ королю въ Литву, тяготясь службой государевой, т.–е. онъ принадлежалъ къ тѣмъ многочисленнымъ добрымъ молодцамъ, которые отъ тягостей государевыхъ, отъ поборовъ и притѣсненій бѣжали за литовскую границу. Тамъ въ Литвѣ они находили ту же Русь, тотъ же

¹⁹) Тамъ же стр. 664. Другіе варианты №№ 155, 162, 263, 311, 314.

²⁰) №№ 263, 311, 314.

православный русскій людъ въ подданствѣ
и польско–литовскаго короля.

„А какъ на молодца да не служба
государева....

Не ходиль бы молодець по чужей
дальней по сторонущкѣ"²¹⁾.

А зашелъ молодець къ королю въ Литву:
„Ай ты батюшко да король Польскій!
„Ты прими молодца во слуги–рабы,
„Во слуги–рабы прими да хоть во
конюхи"²²⁾.

Въ дальнѣйшей судьбѣ пѣсни король
польскій замѣняется иногда Шведскимъ²³⁾
и даже Прусскимъ²⁴⁾, но въ основномъ
изводѣ несомнѣнно добрый молодець
переходиль литовско–польскую границу.
Въ большинствѣ вариантовъ нѣтъ ни имени
молодца, ни имени литовской королевны.
Но въ двухъ сказители вставили для
королевны популярное эпическое имя

²¹⁾ Тамъ же II стр. 566.

²²⁾ Тамъ же.

²³⁾ Тамъ же III стр. 525, 530.

²⁴⁾ III стр. 354.

Настасьи²⁵). Припомнимъ, что Настасья королевична, дочь короля политовскаго, спасаетъ Потыка и выходитъ за него²⁶), что другая Настасья, дочь короля литовскаго — удалая поляница — выходитъ замужъ за Дуная и гибнетъ отъ его руки²⁷), и что та же Настасья называется въ одномъ вариантѣ дочерью Жимана (т.-е. Сигизмунда) короля польскаго²⁸). Что касается имени Настасьи, то его популярность въ эпосѣ я объясняю себѣ, какъ отголосокъ широкой извѣстности въ народѣ въ XVI в. имени Настасьи Романовны, первой и любимой жены Ивана Грознаго. Болѣе интереса представляетъ другое имя, даваемое былиной литовской королевичнѣ, именно Елена²⁹). Не было ли на Руси въ томъ же XVI вѣкѣ какой нибудь исторической женской личности, которая носила это имя, была литовскаго происхожденія и была извѣстна любовной незаконной связью съ придворнымъ, котораго эта связь привела

²⁵) №№ 155 и 162.

²⁶) Гильфердингъ I стр. 89—92, 283—285, II 474—475, 547—549.

²⁷) Тамъ же II 102, 108—114, 187, 192—195; 221, 227—229, 254, 256—257,

²⁸) Тамъ же III, 380.

²⁹) Гильфердингъ № 184, Рыбниковъ Ч. III стр. 289, Соболевскій № 19, Кирѣевскій, В, V стр. 172; В. VII стр. 43.

на плаху? Невольно припоминается подходящая къ перечисленнымъ условіямъ вдова Василя Ивановича правительница Елена Глинская, мать Ивана Грознаго. Оставшись вдовой, она даже для Москвы съ ея невысокой нравственностью вела себя предосудительно и, по словамъ Петрея, „ее открыто по всему городу ругали блудницей“. Припомнимъ ея связь съ придворнымъ княземъ Овчиной–Телепневымъ–Оболенскимъ и ея трагическую развязку. Любовникъ былъ по смерти Елены посаженъ въ тюрьму и уморенъ голодомъ, а сама она будто бы была отравлена³⁰). Эти историческіе факты, о которыхъ знали въ Москвѣ и которые могли разгласиться въ болѣе широкихъ кругахъ народа, всегда падкаго на „скандалы въ благородномъ семействѣ“, подходятъ къ трагической развязкѣ связи литовской королевны съ своимъ постельничимъ. Подходить къ этому и высокій санъ женщины и ея литовское

³⁰) См. Петрей – Исторія о Великомъ княжествѣ Московскомъ. Переводъ Шемякина стр. 128. Объ отравленіи Елены Глинской говоритъ и Герберштейнъ.

происхождение. Именно за родство съ княжескимъ литовскимъ родомъ Глинскихъ Елена и ея родня не пользовались симпатіей въ Московскомъ обществѣ, и потому такъ неснисходительно оно относилось къ ея любовной связи съ Овчиной–Оболенскимъ. Я не утверждаю, конечно, что самая пѣсня о молодцѣ и королевнѣ была сложена по поводу Елены правительницы и ея любовныхъ отношеній.

Считаю только возможнымъ предположеніе, что одинъ изъ старыхъ пѣтарей былины вставилъ въ нее имя Елены не безъ вліянія слуховъ о какой–то Еленѣ литовской, находившейся въ связи со своимъ придворнымъ, погибшимъ, какъ и она, отъ этой связи. Народное воображеніе всегда относится сочувственно къ несчастнымъ любовникамъ, особенно, если несчастный исходъ любви связанъ съ соціальнымъ неравенствомъ, если женщина высшаго класса полюбитъ простолюдина. Мотивъ молодца и королевичны, какъ извѣстно, въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи далъ пѣсню, любимую народомъ, о Ванькѣ

ключникѣ: мѣсто короля литовскаго занялъ князь Волконскій, дочь короля Елена или Настасья перешла въ жену князя, добрый молодець сталъ любимымъ ключникомъ и т. п. Но народныя симпатіи прочно установились за несчастными любовниками, какія бы имена они ни носили. Стоя слишкомъ далеко отъ царскаго дворца, отъ борьбы придворныхъ партій и интригъ, простой народъ не имѣлъ причины ненавидѣть правительницу Елену, которую, по свидѣтельству Петрея, „всѣ ненавидѣли“ въ Москвѣ, если только это извѣстіе не носить партійной окраски. До народа могли только дойти слухи о ея любви къ придворному и ея печальномъ исходѣ, что могло съ его стороны вызвать къ ней сочувствіе. Этими соображеніями мы считаемъ возможнымъ мотивировать вставку имени Елены королевичны въ рассматриваемой пѣснѣ, сдѣланную въ нѣкоторыхъ вариантахъ. Возможность такихъ вставокъ историческихъ именъ намъ нерѣдко приходится констатировать въ произведеніяхъ народной словесности, если

ихъ содержаніе какими–нибудь чертами можетъ привлечь такое имя въ память сказителей или пѣвцовъ. Чтобы не ходить далеко, ограничусь однимъ примѣромъ, который представляетъ, на нашъ взглядъ, аналогію къ рассматриваемому случаю. Пѣсня, вошедшая въ сборникъ Гильфердинга подъ заглавіемъ „Два любовника“, рассказываетъ о печальной судьбѣ нѣкоей Софьюшки и молодца Василя, которые повѣнчались противъ воли матушки Василя³¹). Тогда она купила зелена вина и зелья лютаго:

Василью наливала зелена вина,
А Софеи наливала зелья лютаго.
Говорить она таково слово:
„Ты, Васильюшко, пей да Софеи не
давай,
„А Софеюшка пей Василью не давай".
А Васильюшко пилъ и Софеи подносилъ,
А Софеюшка пила и Василью подносила.
Васильюшка говоритъ, что головушка
болитъ,
А Софея говоритъ: ретиво сердце щемитъ.

³¹) Гильфердингъ № 31, 134, 285.

Они оба вдругъ переставились³²).

Несчастныхъ любовниковъ похоронили рядомъ; на Васильѣ выросло кипарисное дерево, на Софїи — золотая верба, и оба дерева сплелись между собою. Озлобленная мать Василя

Кипарично дерево повырubiла,
А золоту вербу повысушила³³).

Сюжетъ принадлежитъ къ числу самыхъ любимыхъ въ народѣ: съ нѣкоторыми другими чертами онъ развитъ въ пѣснѣ о князѣ Михаилѣ (Гильфердингъ № 299), оказавшейся въ обильномъ количествѣ вариантовъ въ Архангельской губерніи. Насъ въ данномъ случаѣ интересуетъ не онъ, а вставленныя въ пѣсню о несчастныхъ двухъ любовникахъ имена.

Одинъ изъ моихъ учениковъ Н. В. Васильевъ высказалъ предположеніе, что имена Софьи и Василя попали въ пѣсню въ петровское время: слагатель или

³²) П. стр. 375.

³³ Тамъ же стр. 376. Отравленіе любовниковъ перешло, повидимому, изъ этой пѣсни въ архангельскіе варианты старины: „Цюрилье игуменье” (см. у Григорьева №№ 61, 65, 68,98). Въ старомъ вариантѣ Кирши Данилова № LIII отравленія нѣтъ.

одинъ изъ пѣтарей пѣсни вставилъ въ нее имена царевны Софьи и ея любовника князя Василя Голицына. Предположеніе представляется и мнѣ правдоподобнымъ, при чемъ, конечно, я нисколько не думаю, чтобы сама пѣсня была сложена по поводу отношеній Софьи къ князю Голицыну. —

Всеv. Миллеръ.